

Краснодарский университет МВД России

П. В. Максимов

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
БОРЬБЫ С БАНДИТИЗМОМ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Учебное пособие

Краснодар
2018

УДК 343.9
ББК 67.3
М16

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

Е. А. Таюрская, кандидат юридических наук, доцент (Восточно-Сибирский институт МВД России);

Р. В. Тютюнарь (СУ Управления МВД России по г. Краснодару).

Максимов П. В.
М16 **Организационно-правовые основы борьбы с бандитизмом в начальный период советского государства : учебное пособие / П. В. Максимов. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 52 с.**

ISBN 978-5-9266-1412-8

Рассматриваются полномочия, методы и средства правотворческих и правоприменительных органов советской власти в борьбе с бандитизмом в первые годы после Октябрьской революции (1917–1922 гг.).

Для профессорско-преподавательского состава, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.9
ББК 67.3

ISBN 978-5-9266-1412-8

© Краснодарский университет
МВД России, 2018
© Максимов П. В., 2018

Введение

В учебном пособии раскрываются вопросы государственно-правовой политики по борьбе с бандитизмом как особо опасным социальным явлением в начальный период Советского государства (1917–1921 гг.).

Работа структурно состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. В первой главе рассматривается понятийный аппарат, исходя прежде всего из уголовно-правовых актов, где дается формулировка объективной стороны бандитизма, в частности, анализируется состав бандитизма в историко-правовой ретроспективе Российского государства. Во второй главе раскрываются причины политизации бандитизма в советском обществе в контексте Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, при этом внимание акцентируется на таких факторах этого явления, как нахождение России в состоянии Первой мировой войны, осуществление большевиками Октябрьской революции 1917 г. и Гражданская война. Третья глава посвящена вопросам закрепления признаков бандитизма в законодательстве Советского государства рассматриваемого периода (1917–1921 гг.), при этом анализируется содержание основных актов органов советской власти (ВЦИК, СНК, СТО, ВЧК) в сфере борьбы с бандитизмом в период до принятия первого Уголовного кодекса РСФСР (1922 г.). В четвертой главе внимание акцентируется на принципах формирования в Советском государстве правоохранительной системы охранительно-репрессивной направленности для борьбы с бандитизмом.

Данное учебное пособие может быть использовано в качестве дополнительного источника при изучении ряда учебных дисциплин по юридическим специальностям. Так, при изучении дисциплины «История отечественного государства и права» интерес представит содержание выявленных автором тенденций развития государственных и правовых институтов в наиболее напряженный период истории Советского государства, связанный с Октябрьской революцией 1917 г. и Гражданской войной. При изучении ряда тем Общей и Особенной частей уголовного права обучающимся будет полезно обратиться к опыту отечественного законодателя по уголовно-правовому закреплению института соучастия и признаков состава бандитизма.

Разумеется, автор не претендует на полноту раскрытия заявленной темы и будет благодарен за конструктивные замечания.

1. Понятие бандитизма как общественно опасного деяния в правовой ретроспективе Российского государства

В современном уголовном законодательстве России бандитизму как общественно опасному деянию отведено место в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». При этом о бандитизме и банде как его групповом субъекте имеется сложившееся среди правоведов доминирующее представление, которое закрепляется законодательно и в судебной практике. Так, согласно ч. 1 ст. 209 УК РФ объективную сторону бандитизма составляет «создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой)»; в ч. 2 имеется дополнение: «участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях». Основное наказание – лишение свободы на срок до 15 лет. Исходя из этого, понятие банды на официальном уровне было разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г., где указывается, что под бандой следует понимать «организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации; банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения».

Вместе с тем следует отметить, что по поводу состава бандитизма в уголовно-правовой литературе имеются различные точки зрения, отличающиеся от доминирующей, при этом речь идет прежде всего о проблеме квалификации (схожие признаки имеются, в частности, у бандитизма и вооруженного разбоя, совершенного организованной группой, террористического акта и др.). А в последние годы высказываются предложения о полном исключении по указанной причине состава бандитизма из Особенной части российского уголовного закона¹.

При этом имеется в виду, что бандитизм в современном российском праве является сугубо уголовным (общеуголовным) деянием. На этот аспект мы обращаем внимание потому, что еще сравнительно недавно в УК РСФСР 1960 г., который имел юридическую силу (с определенными изменениями) до 1 января 1997 г., бандитизм являлся разновидностью государственного преступления, хотя его политическая составляющая была незначительной: согласно ст. 77 УК РСФСР 1960 г. бандитизм являлся «иным государственным преступле-

¹ Хилюта В.В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность. 2012. № 3. С. 42–43.

нием». При этом состав деяния описывался следующим образом: «Организация вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях». Как видно, в этой диспозиции мало отличий от современного УК РФ, однако сам состав бандитизма располагается в гл. 1 «Государственные преступления». Наказание определялось в виде лишения свободы на срок до 15 лет с конфискацией имущества либо смертной казни (расстрела).

В предшествовавших уголовных законах довоенного времени (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., ряде других уголовно-правовых актов) бандитизм рассматривался прежде всего как преступление контрреволюционного характера, т. е. его уголовная составляющая была на втором плане, а на первый план выходила политическая составляющая. Так, в ст. 58 УК РСФСР 1922 г. указывается следующий состав бандитизма: «Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от Р.С.Ф.С.Р. какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры». Основная мера наказания – высшая (расстрел) с конфискацией всего имущества; допускались и смягчающие обстоятельства.

Одновременно бандитизм, будучи включенным в гл. 1 «Государственные преступления» УК РСФСР 1922 г., рассматривался как «преступление против порядка управления» (ч. 2 этой главы) и тем самым получал характеристику как общеуголовное преступление, о чем свидетельствует следующая диспозиция этого преступления в ст. 76: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась». Основное наказание было такое же, что и по ст. 58 УК РСФСР. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель предусматривает в этом составе дополнительный признак для банды, а именно – «вооруженная шайка», предопределяя тем самым восприятие дореволюционной терминологии, используемой в уголовном законодательстве того времени.

До начала кодификационных работ, т. е. в период революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.), бандитизм рассматривался не иначе как в политическом (антисоветском) контексте. Так, в постановлении Совета Труда и Оборона (СТО) от 6 декабря 1920 г. «О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине» указывалось следующее: «...очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни или смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу...»¹. Такая оценка со всей очевидностью выводила бандитизм за пределы «банальной уголовщины» и делала это деяние политико-уголовным преступлением. Революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии (ЧК) за акты бандитизма приговаривали к расстрелу. В этот период использовались такие термины, как «банда», «шайка», причем второй – преимущественно для преступлений против собственности, однако нередко эти термины применялись и как тождественные, и как отдельные. Какого-либо официального толкования по этому поводу не было. Позже термин «шайка» вышел из оборота.

Отметим, что в таком понимании бандитизм представлял собой уникальное явление в уголовно-правовой истории России, что обуславливалось, в частности, такими факторами, как наличие в стране огромного количества вооруженных людей в связи с участием России в мировой войне; крайне напряженные отношения между ведущими политическими силами России, потенциально способными управлять Российским государством, равно как и между различными классами; присущий российскому обществу радикализм в решении социальных проблем.

Такая особенность наглядно видна при анализе уголовного законодательства Российской империи. Так, в Уголовном уложении 1903 г. состава бандитизма нет, а отдельные его элементы разбросаны по иным составам преступлений. Например, в ст. 100 речь идет о «насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола или на отторжение от России какой-либо ее части» (наказание – смертная казнь, каторга). В ст. 102 Уголовного

¹ О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине: постановление СТО от 6 дек. 1920 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1986. Т. 12. С. 261–262.

Уложения указывается на «участие в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статьею 100 предусмотренного» (наказание за это преступление – каторга). Эти составы были включены в гл. 3 Уложения «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной особы императора и Членов Императорского Дома».

В ст. 122 гл. 5 «О смуте» Уголовного уложения имелся следующий состав: «участие в публичном скопище, которое, действуя соединенными силами участников, учинило: 1) насилие над личностью, или похищение или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужое обитаемое здание или иное помещение, или покушения на сии деяния, вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной, племенной или сословной, или из экономических отношений, или вследствие нарушающих общественное спокойствие слухов...» (наказание за это преступление – заключение в исправительном доме). В этой же статье есть и такой состав: «устроивший или подговоривший устроить такое скопище, а также участник оногo, им руководивший при учинении предусмотренных сею статьею деяний, или подстрекавший к их учинению или продолжению, или употребивший при учинении оных оружие, наказывается в исправительном доме на срок не ниже трех лет».

В ст. 123 Уголовного уложения законодатель указывает на такой состав: «участие в скопище, которое, действуя соединенными силами участников... захватило в свою власть, разграбило или разрушило: склад оружия или военных припасов... военное судно, железную дорогу, Монетный двор, государственное казначейство... употребило для начальственных действий взрывчатое вещество или снаряд» (наказание за это преступление – каторга). Участие в таком «скопище» также было наказуемо. В ст. 126 Уголовного уложения указывалось на «участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в Государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов...» (наказание за это преступление – каторга).

Изложенное показывает, что эти указанные составы общественно опасных деяний охватываются понятием государственных преступлений. В то же время другие элементы бандитизма наблюдались в ряде составов преступлений против общественной безопасности и против собственности. Так, гл. 32 «О воровстве, разбое и вымогательстве» Уголовного уложения содержит следующий, предусмотренный ст. 589

состав преступления – «похищение чужого движимого имущества с целью присвоения посредством... насилия над личностью или наказуемой угрозы», совершенное «шайкой» (наказание за это преступление – каторга).

Такой подход в своей основе был заимствован из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В этом уголовном законе интерес представляет ряд разделов, прежде всего раздел 3 «О преступлениях государственных», который делился на ряд глав. Так, в ст. 271 предусмотрен такой состав, как «бунт против Власти Верховной, то есть восстание скопом и заговором против Государя и государства» (наказание за это преступление – смертная казнь). Строго наказывались организация какого-либо тайного общества, деятельность которого причиняла вред государству, участие в таковом, недонесение о таковом. В главе «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» предусматривается, в частности, наказание за «составление злонамеренных шаяк и вступление в оные» (ст. 1146). Далее подробно указываются разновидности преступных «шаяк» и «сообществ». Так, в ст. 1147 говорится о «составлении сообщества для преступлений государственных», участии в таковом и недонесении о таковом. По ст. 1148 наказывалось «составление шайки для разбоев или зажигательств», причем ответственность наступала за само создание такой шайки, даже если «составленная шайка не учинила еще никакого преступления» (ссылка в каторгу).

В ст. 2094 раздела Уложения о преступлениях против собственности частных лиц дается такой состав: «всякое нападение с насилием на чужие земли, дома или какое-либо недвижимое имущество с намерением завладеть оным» (наказание за это преступление – заключение в смирительном доме). При тяжких последствиях наказание усиливалось. Помимо этого, Уложение содержало несколько видов разбоя (ст. 2131 – нападение на дом или обитаемое здание, ст. 2132 – нападение на улице, на дороге, ст. 2133 – нападение в уединенном месте города и т. д.). Отдельно выделяется «разбой, учиненный составившейся для того или вообще для преступлений сего рода шайкою» (ст. 2135), что наказывалось ссылкой в каторгу (этот состав наиболее приближен к современному бандитизму). Еще раньше в России в рассматриваемом контексте также встречались термины «шайка», «разбой», «воровство», «бунт» и др. (XVIII в.), а в еще более глубокой истории – «лихое дело», «разбой», «татины дела», «скоп» и др. (XVI–XVII вв.).

Итак, российский законодатель дореволюционного времени в сфере уголовного права использует термины «бунт», «скопище»,

«шайка». Термина «банда» в уголовном законе тогда не было. Это не означает, однако, что само слово «банда» было неизвестно в России. Так, в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона указывается, что бандой (отрядом) «(banda, Bande, от латинского слова bandum, или от немецкого Vand) – в средние века... назывались отряды рыцарской и другой конницы, а иногда – и пехоты феодальных армий; также и те бродячие наемные дружины (Rotten, routes, compagnies), предлагавшие свои услуги всякому, кто им платил или обещал добычу». В этом словаре указывается также, что в России термин «банда» стал общеупотребителен со времени последнего польского восстания 1863 г., так как польские повстанцы называли свои отряды «партиями» или «бандами», которые нападали на подразделения российской армии. Как юридический термин слово «банда», употребляемое некоторыми западными законодательствами, например французским, соответствует нашему термину «шайка».

Этимологически термин «банда» имеет неоднозначное толкование. Доминирует точка зрения, согласно которой этот термин возник в Италии в XVI в., когда итальянцы в ответ на насилие со стороны французских и испанских солдат во время войн создавали вооруженные отряды для самозащиты и совершали вооруженные вылазки. Члены этих отрядов имели свой опознавательный знак – «банду» (это слово как раз и означало некую отметку, обозначение). Отсюда – термины, привычно используемые в настоящее время («контрабанда», «бандероль», «бант» и т. д.). По другой точке зрения примерно в то же время «плохие» люди изгонялись из общин и, собираясь вместе в вооруженные отряды, совершали вооруженные нападения на «хороших» людей. Впоследствии «банды» как вооруженные отряды локального назначения приобрели негативный, преступный смысл. Представляется, что в России этот термин в данном понимании начал использоваться в связи с активизацией революционного движения в начале XX в., затем слово приобрело популярность после Октябрьской революции 1917 г. для обозначения вооруженных отрядов – «врагов революции», по отношению к которым власть применяла самые жесткие меры.

Итак, состав и место бандитизма как общественно опасного деяния претерпели существенную трансформацию в структуре уголовного права России. При этом признаки бандитизма имели место на всех этапах российской истории. Вместе с тем законодательное закрепление их было различным. Если иметь в виду системное уголовное законодательство, то в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. признаки бандитизма регулировались подробнейшим образом

в составах преступлений против государства, общественной безопасности, порядка управления, собственности. В дальнейшем состав бандитизма последовательно упрощался. В довоенный период Советского государства бандитизм рассматривался как политико-уголовное преступление, в послевоенное время – как уголовно-политическое преступление, а после распада СССР бандитизм приобрел характер общеуголовного преступления.

2. Политизация бандитизма в советском обществе в контексте Октябрьской революции 1917 г.

Потрясение общественных и государственных основ Российского государства в результате революционных событий в 1917 г., сопряженное с нахождением России в состоянии Первой мировой войны, породило ряд социально негативных явлений, среди которых особой остротой отличался бандитизм. Этот вид преступления предполагал организованные вооруженные нападения устойчивой группой лиц на учреждения советской власти и должностных лиц, представляющих или поддерживавших эту власть, и в силу специфики российской действительности на тот период времени бандитизм приобрел уникальные формы, отличавшиеся от совершаемых шайками насильственных преступлений, ответственность за которые предусматривалась законодательством Российской империи.

Указанная специфика заключалась, в частности, в наличии в России большого количества военнослужащих с оружием на руках, а также в сложившемся к концу 1917 г. резким размежеванием политических сил, обладающих реальными ресурсами для управления государством (прежде всего Временного правительства и Петроградского Совета) и без того находившихся в напряженном противостоянии. Борьба за власть придала бандитизму тех лет довольно ощутимую политическую составляющую. В совокупности с другими факторами, присущими периоду революционного кризиса, указанные обстоятельства повлекли активизацию и интенсификацию насильственных столкновений между противоборствующими сторонами.

Документы первых дней Октябрьской революции свидетельствуют о том, что взявшая в свои руки власть политическая структура (большевики) с самого начала стала уделять значительное и, даже можно сказать, первостепенное внимание борьбе с вооруженными выступлениями против нее. На определенном этапе, как известно, вооруженное политическое противостояние переросло в Гражданскую войну со всеми атрибутами военных боевых действий. Однако в этом контексте бандитские формирования не могут быть приравнены к войсковым подразделениям, например, армии Колчака, поскольку военные действия предусматривают территориальное размежевание (в виде линии фронта), в то время как бандами являлись вооруженные группы, действовавшие на территории, контролируемой советской властью. Кроме того, любая война имеет временный характер.

Между тем бандитизм как особо опасное социальное явление, возникнув в начальный период Советского государства, продолжает иметь место до сих пор. Вместе с тем наивысшая его активность связывается сначала с периодом революции и Гражданской войны, а затем – с периодом коллективизации (кулацкий бандитизм, крестьянский бандитизм и др.). В целом, если иметь в виду устоявшуюся крупную периодизацию истории Советского государства, бандитизм с политической составляющей (политический бандитизм) был характерен для довоенного периода, после которого он трансформировался в уголовный бандитизм, т. е. без политической составляющей, и таковым является до настоящего времени (при этом резкий рост уголовного бандитизма наблюдался некоторое время в послевоенные годы).

Итак, в силу исключительно большой опасности, которую представлял бандитизм, советский законодатель (таковым в рассматриваемый нами период являлись прежде всего Всероссийский съезд Советов, СНК, ВЦИК, СТО, а затем ЦИК СССР, Верховный Совет СССР) показывал довольно высокую активность в правовом регулировании борьбы с бандитизмом. Так, уже 26 октября 1917 г. Всероссийский съезд Советов в своем постановлении «поручает Советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, «антиеврейских» и каких бы то ни было погромов. Честь рабочей, солдатской и крестьянской революции требует, чтобы никакие погромы не были допущены» (здесь нужно иметь в виду, что сами термины «бандитизм» и «банда» стали использоваться несколько позже).

Тем не менее погромы и контрреволюционные выступления имели место, и Советская власть в связи с этим принимает ряд превентивных актов. Так, в принятом 1 ноября 1917 г. воззвании ВЦИК «обращается к тем отдельным военным отрядам, которые за контрреволюционными мятежниками: сложите немедленно оружие, не проливайте братской крови за интересы кучки помещиков и капиталистов. Каждая капля народной крови ляжет на вас. Рабочая, солдатская, крестьянская Россия проклянет тех, которые еще хоть одну минуту остаются под знаменами врагов народа»¹. Затем советская власть стала последовательно структурировать властеотношения, что позволяло легитимировать меры принуждения к проявлениям бандитизма. В этом отношении

¹ Воззвание ВЦИК к казакам, железнодорожным и почтово-телеграфным служащим с призывом переходить на сторону Советской власти от 1 нояб. 1917 г. // Известия. 1917. 3 нояб.

можно отметить известный Декрет о суде от 22 ноября 1917 г., предусматривавший создание революционных трибуналов (по сути это были чрезвычайные суды), в юрисдикцию которых входило рассмотрение дел, наиболее опасных для государства.

7 декабря 1917 г. на основании записки В.И. Ленина, адресованной Ф.Э. Дзержинскому, решением СНК была создана известная Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. именовалась ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности). С июня 1918 г. такие комиссии были созданы также на местах. Именно ВЧК и местные «чрезвычайки» были основными государственными структурами в борьбе с преступностью первые несколько лет (до создания 6 февраля 1922 г. ГПУ при НКВД, куда перешли полномочия ВЧК).

Ввиду того, что и революционные трибуналы, и чрезвычайные комиссии создавались исходя из потребностей текущего момента, не удивительно, что правовой статус этих легитимных правоохранительных органов борьбы в достаточной мере не определялся (и, собственно, так и не был определен вплоть до разработки и принятия кодификационных актов после Гражданской войны), полномочия между ними не были четко разграничены, что способствовало проявлениям беззакония и произвола со стороны чекистов и вызывало, в частности, резкий протест со стороны работников революционных трибуналов, прежде всего в части присвоения ВЧК права налагать наказания в виде лишения свободы, освобождать от наказания, распоряжаться местами заключения.

Однако влияние чрезвычайных комиссий на реальное положение дел в стране было сильнее, поскольку они представляли собой силовую структуру оперативного действия и, соответственно, несмотря на нарушения, их деятельность высшей властью в целом одобрялась, тем более, что ВЧК возглавил верный соратник Ленина – Дзержинский. В подтверждение можно привести резолюцию ВЦИК от 18 апреля 1918 г. по докладу ВЧК о борьбе с бандитизмом, действовавшим под флагом анархизма, где, в частности, отмечалось: «...заслушав объяснения ЧК о ее действиях при ликвидации преступных элементов, действовавших под флагом анархизма, признает действия Чрезвычайной комиссии правильными и выражает уверенность, что впредь с подобными элементами будет вестись без колебаний борьба. ЦИК констати-

рует, что действия ЧК имели целью преследование не идейного анархизма, а борьбу с бандитизмом, независимо от тех названий, которыми этот бандитизм прикрывается»¹.

Здесь представляет интерес оговорка о том, что действия, составлявшие фактически бандитизм по объективной его стороне, могли прикрываться (и действительно прикрывались) различными названиями и политико-идеологическими «крышами» (например, анархизмом). И так, действия, не называемые в документах бандитизмом, фактически являлись таковыми при наличии, разумеется, соответствующих признаков (организованность преступной группы, ее вооруженность, насильственные действия, нападения на представительства власти и должностных лиц с целью ослабления или свержения власти).

Вместе с тем нужно иметь в виду, что действия сотрудников органов самой советской власти (прежде всего, конечно, ЧК) также нередко были очень жесткими, с проявлением насилия, явно превышавшего необходимость. Более того, в решениях высших органов власти подчеркивалась необходимость жестких мер. Так, в Предписании ВЦИК от 4 мая 1918 г. указывалось, что «диктатура пролетариата... предполагает действительно твердую и беспощадную в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов революционную власть, а эта наша власть слишком мягка... Железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата против мелкобуржуазных шатаний – такой общий и итоговый лозунг момента»². В Декрете ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. предписывалось: «...упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец... На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией...»³. В обращении СНК к населению от 30 мая 1918 г. дается прямой призыв к физическому уничтожению врагов революции: «Слишком рано враги народа подняли свою голову, – мы отсечем эту преступную голову беспощадным мечом революции. Под оружие!.. В поход против контрреволюционных мятежников и заговорщиков. Смерть врагам народа... Рабочие и крестьяне не сдадут власти и земли

¹ Резолюция ВЦИК по докладу Всероссийской чрезвычайной комиссии о борьбе с бандитизмом, действовавшим под флагом анархизма от 18 апр. 1918 г. // Известия. 1918. 19 апр.

² Всем губернским, уездным, волостным совдепам. Всем, всем: предписание Президиума ВЦИК в связи с тезисами В.И. Ленина об очередных задачах Советской власти от 4 мая 1918 г. // Известия. 1918. 10 мая.

³ Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию от 13 мая 1918 г. // Известия. 1918. 14 мая.

изменникам и насильникам»¹ (этот акт подписали Ленин, Троцкий, Чичерин и Сталин). А 5 сентября 1918 г. было издано известное постановление СНК «О красном терроре», само название которого более чем красноречиво.

Тем не менее во взаимоотношениях советского государства (советской власти), с одной стороны, и иных политических, национальных и других структур, организовавших на вооруженные выступления против этой власти, – с другой, нельзя не учитывать сугубо правового, т. е. формального, аспекта. Суть его состоит в том, что именно советская власть (и государство как аппарат управления) являлась реальностью, именно эта власть как политическая структура контролировала положение на основной части России (а позже – и на всей территории), управляла этой территорией, находилась в сношениях с другими государствами, т. е. была субъектом международного права, вне зависимости от того, каким образом власть оказалась у социал-демократов-большевиков во главе с Лениным.

И, соответственно, только акты советской власти являлись правовыми актами, и меры, которые принимала советская власть, следует именовать мерами государственного принуждения. Эти меры (в том числе аресты, расстрелы, заложничество, конфискация имущества и др.) были законными, в то время как фактически такие же действия со стороны противоборствующих политических сил являлись преступлениями, и их следует именовать по-другому: незаконное лишение свободы, причинение вреда здоровью, убийства, хищения чужого имущества и т. д.

Следует особо подчеркнуть это обстоятельство, потому что иной подход, когда в историко-правовой литературе решения и действия большевиков объявляются преступными на основании, например, Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, созданной в 1919 г. при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине, представляется тупиковым с точки зрения историко-правовой методологии и логики.

Дело в том, что Белая армия потерпела поражение, большевики взяли верх. Это исторический факт. В рамках этого факта большевики олицетворяли государство (и, соответственно, легитимность всех своих мер), а ее противники – преступные, в том числе бандитские, формирования. И в этом смысле заключения деникинской Особой ко-

¹ Обращение СНК к населению о положении на продовольственном фронте и борьбе с контрреволюцией от 30 мая 1918 г. // Известия. 1918.

миссии юридически ничтожны, равно как и само решение о ее создании, несмотря на то, что она руководствовалась имперским Уставом уголовного судопроизводства, создавая видимость правовой основы. Конечно, можно предположить, что советская власть могла быть свергнута и реальная власть оказалась бы у противников советской власти. Тогда ситуация поменялась бы, т. е. речь идет о конечной правовой судьбе насильственных действий по захвату (укреплению) власти: это преступный мятеж или благородная революция – извечный вопрос смутных времен.

Исходя из этого нельзя согласиться с признанием политики большевиков в те годы как преступной в поздней литературе (литературе *несовременников* рассматриваемых исторических событий), и, соответственно, понятия «советская власть» и «бандитизм» не могут быть объединены. Вот почему бандитизм следует рассматривать как преступное явление, присущее противникам советской власти и прочим деклассированным элементам, а не большевикам (даже при наличии постановления «О красном терроре» и иных правовых актов высших органов советской власти, где содержатся призывы и прямые предписания к действиям, составляющих отдельные элементы объективной стороны этого деяния). В этом контексте представляет интерес положение о ВЧК и местных ЧК, утвержденное ВЦИК 28 октября 1918 г., где уточняется правовое положение чрезвычайных комиссий и, в частности, указывается, что такие комиссии являются органами, которые ведут непосредственную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности и «имеют право на организацию при себе вооруженных отрядов», которые содержатся за счет бюджета.

Вот таким образом шаг за шагом осуществлялась советской властью легитимизация органов принуждения. Например, постановлением СТО от 11 декабря 1918 г. определялся порядок ареста, в том числе полагалось не позднее 48 часов после задержания предъявлять обвинение, а постановлением ВЦИК от 20 января 1919 г. были упразднены уездные ЧК ввиду проявления злоупотреблений с их стороны, решался вопрос о расширении в ВЧК отдела жалоб и т. д. Орган, который боролся с преступностью, по определению не мог быть преступным, а указанные «вооруженные отряды» по определению не могли быть «бандами» (другое дело, когда в ряды ЧК «проникали преступные элементы» и власть это признавала и привлекала их к уголовной ответственности).

При этом ЧК действительно наделялись чрезвычайными полномочиями, и в определенной степени это было объяснимо, учитывая

силу вооруженного бандитского сопротивления преобразованиям, которые объявляла и претворяла в жизнь советская власть. Вместе с тем в высших эшелонах власти все острее ставился вопрос об ограничении полномочий ЧК ввиду их избыточности. Так, с одной стороны, в постановлении ВЦИК от 17 февраля 1919 г.¹ указывалось, что «при наличии вооруженных выступлений (контрреволюционных, бандитских и т. п.) за чрезвычайными комиссиями сохраняется право *непосредственной расправы* для пресечения преступлений», а с другой стороны, ЧК лишались права вынесения приговоров (это полномочие закреплялось за ревтрибуналами), за исключением местностей, объявленных на военном положении.

Между тем бандитизм как социально опасное явление все чаще стал выделяться в решениях высших органов советской власти как самостоятельный вид преступности, что свидетельствует, во-первых, об устойчивости проявлений бандитизма и, во-вторых, как следствие, о большем внимании власти к вопросу о борьбе с бандитизмом. Характерным является постановление СНК о мерах по борьбе с бандитизмом от 19 февраля 1920 г., где уже в самом названии правового акта применяется термин «бандитизм».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что советская власть в борьбе с этим особо опасным социальным явлением делает акцент не на чрезвычайных репрессивных мерах, а на уголовно-процессуальных процедурах. Так, СНК предписывает «лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях, в налетах, предавать суду военно-революционного трибунала». Законченные дознанием или следствием дела должны были передаваться милицией, ЧК, следственными комиссиями и «прочими учреждениями, ведущими расследование», непосредственно в реввоен трибуналы, приговоры которых объявлялись «безапелляционными, окончательными и никакому обжалованию не подлежащими».

Итак, дела о бандитизме подлежали рассмотрению в трибуналах. Отметим, что в вышеуказанном постановлении бандитизмом охватываются следующие деяния: вооруженный грабеж, разбойное нападение, налет (очевидно, в смысле понятия «нападение»). С уголовно-правовой точки зрения здесь нет четкости, поскольку вооруженный грабеж есть не что иное, как разбойное нападение; не раскрываются также

¹ Постановление ВЦИК о праве вынесения приговоров Всероссийской чрезвычайной комиссией и революционными трибуналами по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности от 17 февр. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

цели «налетов». Ситуация несколько уточняется в Основном положении о революционных трибуналах, утвержденном ВЦИК 18 марта 1920 г., согласно которому в юрисдикцию трибуналов был включен ряд составов преступлений, среди которых на первое место были поставлены «контрреволюционные деяния».

Бандитизм здесь отдельно не выделяется, но из сопоставления двух рассмотренных актов со всей очевидностью вытекает, что бандитизм относился к контрреволюционным преступлениям. Именно в этих правовых актах сформировался подход советской власти к определению места бандитизма как преступного деяния в Особенной части уголовного права, что найдет отражение в последующих актах высших органов советской власти, а также (уже в обобщенном виде) в УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. и отчасти в УК РСФСР 1960 г.

В годы Гражданской войны политическая составляющая бандитизма становится наиболее явной. В этом смысле интерес представляет ряд актов, в том числе постановление СТО о мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине от 6 декабря 1920 г., в преамбуле которого, в частности, указывается: «...очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни или смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу...». Такая оценка со всей очевидностью «выносит» бандитизм за пределы «общеуголовщины» и делает это деяние уголовно-политическим преступлением.

Характерным является и название акта СТО, принятого 29 января 1921 г., – «О мерах по ликвидации вооруженных банд и восстановлении железнодорожного движения в районе Бузани», которым предписывается Реввоенсовету «принять все срочные и необходимые меры к ликвидации всех вооруженных сил в этом районе с обязательным ежедневным докладом о ходе ликвидации вооруженных банд». О важности борьбы с бандитизмом свидетельствует и постановление Президиума ВЦИК от 21 марта 1921 г., в соответствии с которым предписывалось «для политического руководства и организации более успешной борьбы с бандитизмом в губерниях, где бандитизм имеет сильное развитие, послать уполномоченных ВЦИК». Указывалось также, что все сведения о бандитизме и крестьянских восстаниях должны были сосредоточиваться в Президиуме ВЦИК.

В целом такого рода меры дали советской власти необходимые результаты, а именно: вместе с победой большевиков в Гражданской войне волна бандитизма была сбита. Затем в соответствии с постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК и ЧК на местах были упразднены ввиду ненужности такого рода чрезвычайных органов, а их полномочия перешли к «регулярному» правоохранительному органу – ГПУ при НКВД РСФСР, которое позже, после образования союзного государства было преобразовано в ОГПУ при СНК СССР постановлением ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. Тем самым начался новый этап функционирования Советского государства, в котором борьба с бандитизмом на некоторое время стала менее актуальной для уголовно-политических органов советской власти. Однако с началом принудительной коллективизации борьба с бандитизмом вновь вышла на первый план. Советская власть к этому была уже готова, и предшествовавший опыт в этом деле позволил довольно быстро подавить кулацкий бандитизм. И с того времени бандитизм в своей основе стал эволюционировать от бандитизма с политической составляющей в уголовный бандитизм.

3. Закрепление признаков бандитизма в законодательстве Советского государства

Бандитизм как самостоятельный состав преступления первоначально был обозначен советским законодателем в Декрете СНК «О суде» от 13 июля 1918 г., где, в частности, указывалось: «На Местные Народные Суды возложить рассмотрение всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции, рассмотрение которых отнести к ведению Окружных Народных Судов»¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный акт был издан в критический период существования Советского государства и вряд ли составители этого закона со всей тщательностью прорабатывали его текст. Тем не менее, состав бандитизма включен в этот документ и отграничен от преступлений, совершением которых часто сопровождаются бандитские нападения (те же убийство, разбой, изнасилование), но в современном понимании бандитизма. А тогда бандитизм, как можно предположить исходя из данного акта и крайне напряженной общественно-экономической и военной обстановки (Гражданская война, острое противоборство политических структур, экономический кризис, криминогенный взрыв), включал в себя несколько иное. В связи с этим указанное отграничение перечисленных в Декрете составов преступлений от бандитизма представляется не случайным, — оно связывалось, вероятно, с необходимостью противодействия нападениям, совершаемым вооруженными группами прежде всего на организации и физических лиц с целью дестабилизации социального порядка и извлечения выгод политико-властного и связанного с ним имущественного характера.

И таких вооруженных нападений было очень много, что находит вполне логическое объяснение, если учесть наличие в стране нескольких сот тысяч военнослужащих, когда-то мобилизованных на Первую мировую войну и влившихся после возвращения с фронта в вооруженные подразделения многочисленных квазигосударственных структур или организовавшихся в отдельные, никому не подконтрольные вооруженные отряды на местах, как правило, в районах своего места постоянного проживания. Нападения этих и им подобных вооружен-

¹ О суде: декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

ных формирований на организации и граждан, сопряженные с насильственными и имущественными преступлениями, стали представлять для советской власти серьезную опасность, ненамного уступавшую опасности от прямых посягательств на большевиков как на государственную власть со стороны их политико-классовых противников.

Такое явление для России в переживаемый исторический момент было совершенно новым, и соответствующие социально опасные деяния нужно было как-то обозначать. Так, видимо, и сформировались признаки состава бандитизма, за который с самого начала предусматривалось жесткое наказание, вплоть до расстрела. Однако, как уже отмечалось, борьба с бандитизмом не была основной целью власти того времени, о чем свидетельствует, в частности, статья видного революционного деятеля, правоведа, одного из создателей правовой советской системы П.И. Стучки, который, оценивая спустя тринадцать лет этот закон, отмечал, что его целью, по сути, было ликвидировать прежний суд и вообще прежнюю законодательную основу, а вовсе не бандитизм.

И только спустя год, когда ситуация в стране несколько определилась, советская власть озаботилась содержательным наполнением введенного в законодательный оборот состава бандитизма. В Декрете ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» давалось разъяснение «права непосредственной расправы», предоставляемого ВЧК и губернским чрезвычайным комиссиям, за совершение некоторых видов преступлений в местностях, которые объявлены на военном положении в соответствии с постановлением ВЦИК от 17 февраля 1919 г. В числе указанных видов преступлений и значился бандитизм (п. 7 Декрета). Состав бандитизма как социально опасного деяния раскрывался здесь следующим образом: *«участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки»*¹.

Вот это и есть исходная законодательная позиция советской власти по вопросу об объективной стороне бандитизма. При этом нужно отметить, что объем правового регулирования был очень мал, фактически речь идет только об одном предложении (фразе). Указанная формулировка состава бандитизма явно заимствована из законодательства Российской империи; несмотря на стремление П.И. Стучки и других

¹ О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: постановление ВЦИК от 17 февр. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

революционеров-радикалов одним разом отвергнуть все прежние государственно-правовые институты, этого сделать не удалось. Так случилось и с бандитизмом. Советские политики и правоведы в начальной стадии развития состава бандитизма так и не нашли подходящей формулировки, чтобы обозначить бандитизм в тех формах, которые имели место непосредственно в послереволюционное время, соответственно, пришлось обратиться к опыту законодательства Российской империи.

В связи с этим необходимо отметить, что российский законодатель монархического периода в уголовном законодательстве использовал такие понятия, как «бунт», «скопище», «шайка». Понятие «банда» в уголовно-правовом смысле не фигурировало. Это не означало, что данное понятие вообще не было известно в монархической России.

Если иметь в виду монархическое законодательство, то термин «шайка» появляется в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Здесь интерес представляет ряд разделов, прежде всего раздел 3 «О преступлениях государственных», который делился на главы. Так, ст. 1146 главы «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих оные постановлений» предусматривалось наказание за такое деяние, как «составление злонамеренных шаек и вступление в оные». Далее раскрываются разновидности «шаек» и «сообществ», имевших преступный характер, в частности, указывается на «составление сообщества для преступлений государственных», участие в этом сообществе и недонесение о нем властям (ст. 1147 Уложения). Согласно ст. 1148 предусматривалась ответственность за «составление шайки для разбоев или зажигательств». Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что наказание следовало за само создание такой шайки, даже если «составленная шайка не учинила еще никакого преступления», что является прообразом одного из признаков объективной стороны будущего (уже советского) состава бандитизма. В то же время эти нормы определяли позицию законодателя о соучастии.

Поскольку Уложение о наказаниях уголовных и исправительных не давало толкования понятия «шайка», это делалось на уровне доктринальных моделей. Так, в середине XIX в. существовала точка зрения, согласно которой главный признак шайки заключался в вопросе целеполагания, т. е. цели шайки: «...целый ряд в отдельности еще не определенных, однородных или разнородных преступлений, кои они решаются совершать совокупными силами... различие шайки от сообщества обыкновенных заговорщиков заключается не в большем количестве преступников, но в неопределенности числа и предмета предпо-

лагаемых преступлений»¹. Однако уже с конца XIX в. шайка рассматривается в основном как вид преступного соучастия. В следующем императорском уголовном законе – Уголовном уложении 1903 г. сводный состав бандитизма также отсутствует, а отдельные его элементы включены в составы иных преступлений. Так, в ст. 100 говорится о «насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола». В ст. 102 указывается на «участие в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статью 100 предусмотренного». Составы указанных преступлений были включены в гл. 3 Уложения «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной особы императора и Членов Императорского Дома».

Как видно, из монархического уголовного законодательства советская власть для первоначального раскрытия понятия бандитизма использовала дореволюционное понятие «шайка», при этом были обозначены основные объекты преступных посягательств: государственный строй и собственность. Таким образом, по сути, в первые годы после Октябрьской революции была predetermined дифференциация советского бандитизма на политический и уголовный.

Вместе с тем нельзя не отметить парадоксальное явление, которое заключается в том, что Советское государство, впервые раскрывая в законе от 20 июня 1919 г. понятие бандитизма («участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки»), ограничивается только уголовной составляющей, в то время как логичнее было (по опыту законодательства Российской империи) включить также и политическую (антигосударственную) составляющую в преступной деятельности шайки. Кроме того, при таком подходе лишалось смысла и изменение названия «шайка» на слово «бандитизм», т. е. бандитизм как термин вообще был бы не нужен.

Однако более внимательный анализ данной правовой ситуации показывает, что советский законодатель все же действовал по определенной логике.

Прежде всего, обратим внимание на то, что сам перечень тяжких преступлений в Декрете от 20 июня 1919 г., за совершение которых ЧК наделялись правом «непосредственной расправы», выстроен в определенной иерархии – от более опасных деяний к менее опасным:

¹ Жириев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 120–121.

«1. Принадлежность к контрреволюционной организации и участие в заговоре против Советской власти.

2. Государственная измена, шпионаж, укрывательство изменников, шпионов.

3. Соккрытие в контрреволюционных целях боевого оружия.

4. Подделка денежных знаков, подлог в контрреволюционных целях документов.

5. Участие в контрреволюционных целях в поджогах и взрывах.

6. Умышленное истребление или повреждение железнодорожных путей, постов и других сооружений, телеграфного и телефонного сообщения, складов воинского вооружения, снаряжения, продовольственных и фуражных запасов.

7. Бандитизм (участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки).

8. Разбой и вооруженный грабеж.

9. Взлом советских и общественных складов и магазинов с целью незаконного хищения.

10. Незаконная торговлю кокаином»¹.

Итак, политическая составляющая вполне конкретно отражена в четырех составах преступлений (это почти половина преступлений, включенных в рассматриваемый перечень). А вот уголовная составляющая в Декрете усилена, а именно: бандитизмом охватываются также и убийства, чего не предусматривали императорские Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г., в связи с чем сохранение только лишь термина «шайка» было бы не совсем правильным шагом.

Тем не менее возникает вопрос о том, почему же в дальнейшем (довольно быстро) помимо уголовной составляющей бандитизм получил также и вполне основательную политическую составляющую. Вероятно, советский законодатель недооценил количественные масштабы банд (шак), их вооруженность и социальные ценности, на которые они посягали, а также в целом уровень правового нигилизма был очень высоким. Ранее уже упоминалось о том, что никому не подчиняющихся вооруженных групп на всей территории России было очень много, а успехи Красной Армии в Гражданской войне только лишь увеличивали их число, поскольку отступавшие войсковые подразделения, уже по определению ставшие врагами советской власти, разбрасывались на широких ареалах и далеко не всем удавалось бежать за границу

¹ Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении: декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.

или легализоваться. Участие в бандах было, по сути, формой их выживания. Соответственно, даже если они при нападении совершали только грабеж, то считалось, что это делали «контрреволюционеры», т. е. бандитизм в данном случае неизбежно получал политический окрас.

Следует отметить, что вооруженность шайки по прежнему законодательству не была обязательным признаком состава преступления (это был лишь признак, отягчающий вину). Однако в советской России в силу сложившихся обстоятельств оружия было очень много, следовательно, вряд ли в те годы орудовали банды (шайки), не имевшие оружия. Таким образом, вооруженность де-факто стала обязательным признаком банды (шайки).

Кроме того, советская власть предпринимала жесткие меры по национализации экономики, весьма чувствительно затрагивая интересы бывших собственников, включая мелких (крестьян, лавочников и др.). Отказываясь принимать новые правила коммунистического бытия, многие из них, оказавшись в бандах (шайках), совершали целенаправленные нападения на органы власти и должностных лиц, что также являлось политическим деянием. Такие действия можно было, конечно, квалифицировать как контрреволюционные и относить к иным составам преступлений в вышеуказанном перечне преступлений в Декрете от 20 ноября 1919 г., однако преступления банд (шак) имели ярко выраженную специфику: устойчивость преступной группы, вооруженность, применение дерзкого насилия (нападение), что в совокупности создавало опасность самим фактом создания такой банды (шайки).

Именно по указанным причинам советская власть сначала воспринимала шайку как форму преступного соучастия, однако в процессе борьбы за власть сделала переоценку специфики преступной деятельности шак с учетом складывавшейся в России военно-политической обстановки. Уже в постановлении СТО от 6 декабря 1920 г. «О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине» указывалось: «Очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни или смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу...»¹.

¹ О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине: постановление СТО от 6 дек. 1920 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1986. Т. 12. С. 261–262.

Как видно, такая оценка выводила бандитизм за пределы общеуголовных отношений и делала это деяние политико-уголовным преступлением. Довольно активно в те годы использовались такие наименования, как «калединская банда», «корниловская банда», «хулиганская банда», «деникинские банды», «красновские банды», «шпионские банды», «белогвардейские банды», «банды зеленых», «банда Антонова», что со всей очевидностью показывает приоритет политических (военно-политических) оценок бандитизма над сугубо уголовно-правовыми характеристиками.

В дальнейшем законодательный опыт советской власти по регулированию признаков бандитизма был учтен при разработке и принятии первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., где состав бандитизма располагался в гл. 1 «Государственные преступления» Особенной части, которая, в свою очередь, разделялась на две подглавы: «О контрреволюционных преступлениях» и «О преступлениях против порядка управления» (состав бандитизма находился во второй подглаве). Ответственность за бандитизм предусматривалась в ст. 76 УК РСФСР, которая имела следующий вид:

«Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась, карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением по смягчающим обстоятельствам понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества.

Пособничество бандам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие добытого и следов преступления карается теми же наказаниями с допущением понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества»¹.

С изданием УК РСФСР 1922 г. начался период кодификационного уголовного права в нашей стране, где состав бандитизма как тяжкого преступления всегда был и есть, и с того времени бандитизм стал эволюционировать от политико-уголовного преступления к общеуголовному.

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (в ред. от 25 авг. 1924 г.) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

4. Формирование правоохранительной системы охранительно-репрессивной направленности для борьбы с бандитизмом

В процессе борьбы с бандитизмом в период революционного кризиса советская власть использовала как чрезвычайные, так и регулярные правоохранительные органы и силовые структуры, без которых эта борьба априори не имела бы успеха, поскольку бандитизм предполагает вооруженные нападения, нейтрализовать которые возможно только еще более мощной и одновременно легитимной силой. Советская власть создавала такую силу путем учреждения нескольких органов, обладавших полномочиями применять государственное принуждение для наведения общественного и политического порядка, в том числе использовать физическую силу и оружие как наиболее действенные методы подавления (пресечения) противоправных действий преступников.

Непосредственно противостояли бандформированиям и участвовали в реализации уголовных репрессий против бандитов следующие специализированные органы и структуры советской власти: чрезвычайные комиссии (ЧК) во главе с Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК); народная милиция (прежде всего в лице уголовного розыска); подразделения Красной армии; части особого назначения (ЧОН); прокуратура; революционные трибуналы; военно-революционные комитеты местных исполкомов (на пограничных территориях); лагеря принудительных работ и другие уголовно-исполнительные учреждения.

Вместе с тем пресекательная, розыскная и предупредительная деятельность по делам о бандитизме на регулярной основе возлагалась на чрезвычайные комиссии (ЧК) по главе с ВЧК. В определенные периоды ЧК получали также полномочия проводить следственные действия и выносить приговоры, вплоть до смертной казни. Кроме того, если иметь в виду судебную составляющую, то дела о бандитизме рассматривали, как правило, революционные трибуналы. Иные органы и структуры участвовали в борьбе с бандитизмом в меньшей степени, преимущественно в качестве усиления при проведении специальных операций по пресечению деятельности определенных бандформирований, розыску отдельных бандитов, их конвоированию и т. д. Когда речь шла об уголовном бандитизме, чаще всего задействовались структуры

уголовного розыска (народная милиция), а при подавлении преступных групп, относящихся к политическому бандитизму, использовались армейские подразделения.

Необходимо также иметь в виду, что, помимо указанных специализированных охранительно-репрессивных органов, в борьбе с бандитизмом участвовали органы власти общей (универсальной) компетенции как в центре, так и на местах: ВЦИК, СНК, СТО, губернские и местные исполкомы Советов, территориальные революционные комитеты. Однако их деятельность носила в основном координирующий и вспомогательный характер. Особняком в данном контексте стоял Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет), который играл активную роль в поддержании правопорядка и борьбе с преступностью, в том числе с бандитизмом, на территории Петрограда в период до создания общегосударственных правоохранительных органов советской власти (до декабря 1917 г.). Петросовет, в частности, использовал сформированные им же силовые структуры (органы), имевшие, как показало развитие событий, временный характер.

Следует отметить, что в историко-правовой литературе деятельность вышеуказанных правоохранительных органов описана довольно подробно. В связи с этим необходимо акцентировать внимание на тех особенностях их правового статуса, которые имеют наиболее тесное отношение к борьбе с проявлениями бандитизма, а также на вопросах реализации ими своих полномочий в процессе правоприменительной практики. Отметим также то обстоятельство, что в силу ранее указанных причин, приведших общественные отношения в России к полному расстройству спустя несколько месяцев после Февральской революции 1917 г. (следствием этого, среди прочего, стал рост (разгул) уличной преступности, граничащий с хаосом), советской власти не оставалось иного варианта, как в срочном порядке укреплять свои правоохранительные органы, – в противном случае хаос не удалось бы остановить. Хотя это пришлось бы делать любой власти, оказавшейся в роли управляющей Российским государством (практически то же самое, хотя и в других формах, уже делало ранее Временное правительство Керенского, и в этом же контексте, имея в виду необходимость наведения порядка в стране, можно расценивать известный демарш Корнилова).

Как отмечается в литературе, «в Петрограде летом и осенью 1917 года грабежи стали настолько обычным явлением, что даже днем чуть в стороне от центра опасно было ходить по улицам. Органы милиции, подчиненные Временному правительству, не смогли обеспечить за-

щиту населения от воров и грабителей. В то же время буржуазное правительство, не принимавшее должных мер по борьбе с преступностью, освободило из тюрем большое количество опасных профессиональных преступников, которые, пользуясь хаосом, безнаказанно воровали и грабили... Грабители и спекулянты были страшным злом, но не меньше сил и энергии отнимала борьба с другими преступниками, покушавшимися на государство в целом»¹. К этому нужно добавить недооцененную в литературе (как фактора, усиливавшего противостояние общественно-политических сил в стране) степень организованности противников большевиков из числа несогласного с ними класса чиновников, банкиров и крупных собственников, сумевших сформировать так называемое мирное сопротивление, которое обозначено в литературе как «контрреволюционный саботаж».

В тот же день, когда большевики объявили о переходе к ним всей полноты власти в стране (25 октября 1917 г.), Петроградская городская дума, до этого как орган местного самоуправления в целом сохранявшая политическую пассивность, объявила об учреждении Комитета спасения Родины и революции, во главе которого оказались правые эсеры А.Р. Гоц и Н.Д. Авксентьев. В выпущенном тогда воззвании этого Комитета к гражданам Российской республики предлагалось не выполнять распоряжения большевистской власти. В воззвании, в частности, указывалось: «Союз союзов служащих государственных учреждений Петрограда считает своим долгом широко оповестить население о своем решении приостановить занятия во всех государственных учреждениях... Большевики, опираясь на грубую силу штыков, объявили себя верховной властью. Теперь большевики стремятся овладеть всеми материальными средствами и всеми частями государственного управления... Мы обращаем свой горячий призыв ко всем партиям, организациям и учреждениям, стоящим за необходимость спасения государственного начала в управлении. Мы зовем всех присоединиться к нашей тяжелой, решительной борьбе за установление общепризнанной власти»².

Комитет использовал в своих целях Союз союзов служащих государственных учреждений, Союз инженеров, Союз трудовой интеллигенции, объединявшие в общей сложности около 70 тысяч служащих. Тогда же при упомянутом Союзе союзов служащих государствен-

¹ Портнов В.П. ВЧК (1917–1922 гг.). М.: Юрид. лит., 1987. С. 13.

² Единство. 1917. № 180.

ных учреждений был создан центральный стачечный комитет, по инициативе которого была прекращена деятельность многих учреждений, организаций и предприятий. В частности, Всероссийский продовольственный съезд, состоявшийся в Москве, постановил прекратить доставку продовольствия в Петербург, Москву и другие города Центральной России, в результате чего имел место «системный кризис российской государственности»¹. Советская власть предъявила ультиматум саботажникам, решительные действия были проявлены лично Ф.Э. Дзержинским, был проведен ряд арестов организаторов саботажа. Проблема нейтрализации саботажа в дальнейшем решалась с большим трудом, более того, как известно, именно саботаж являлся одной из важнейших причин учреждения ВЧК.

Однако если саботаж можно расценивать как мирное сопротивление действиям новой советской власти, то бандитизм был сопряжен с вооруженными нападениями. Несложно предположить, что если уж советская власть применяла серьезные меры государственного принуждения к мирным саботажникам, включая силовые методы, то к бандитам, конечно же, меры были куда более жесткие, вплоть до террора.

Необходимо сделать оговорку, связанную с тем, что насилие определялось в значительной мере не исходной позицией советской власти, а реакцией власти на действия противодействующих ей структур. Известна, например, позиция куратора культуры и образования в советском правительстве А.В. Луначарского, который высказывался о своем нежелании участвовать «в террористическом правительстве». На этот счет можно привести и высказывания В.И. Ленина. Так, на заседании Петросовета 4 ноября 1917 г. он говорил: «Нас упрекают, что мы арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается»². В частности, генерал Краснов был освобожден, когда дал слово не выступать против большевиков; были освобождены также бывшие министры Временного правительства К.А. Гвоздев, А.М. Никитин, С.Л. Маслов и др. Характерной является следующая подписка, которую дал младший офицер «батальона

¹ Ратьковский И.С. Эволюция государственных представлений большевиков в послеоктябрьский период на примере ВСК // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 15. С. 177.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 63.

смерти» Ф.Г. Малахов, вербовавший солдат для отрядов атамана Каледина в декабре 1917 г. и переданный после задержания в следственную комиссию революционного трибунала: «Я, нижеподписавшийся, обещаюсь под честным словом явиться к петроградскому воинскому начальнику не позже 12 января 1918 г., причем заявляю, что отныне никакой контрреволюционной деятельностью заниматься не буду»¹.

В свою очередь, и у саботажников было объяснение (не оправдание) своих действий, поскольку, несмотря на то, что в России имел место политико-государственный хаос, Советы как власть не вытекали с формально-правовой точки зрения ни из императорской власти, ни из Временного правительства, т. е. власть (в лице Петросовета и Съезда Советов), с их точки зрения, была незаконной, если иметь в виду правовую чистоту обладания властью большевиками. Саботажники не без оснований полагали, что самой законной властью на тот момент являлась именно Петроградская городская дума, однако она имела локальный характер и в силу своего правового статуса (как орган местного самоуправления) не имела никаких полномочий по применению мер принуждения.

В результате все считали себя правыми, у каждого была своя правда и свои амбиции, что привело к трагическим последствиям. Известная ВЧК в этом контексте появилась на основе опыта функционирования Военно-революционного комитета (ВРК) Петросовета, созданного еще 12 октября 1917 г. во главе с большевиком Н.И. Подвойским и левым эсером П.Е. Лазимиром, т. е. почти за две недели до провозглашения большевиками перехода к ним власти в стране. Следует отдать должное организованности большевиков, которые делали последовательные шаги для того, чтобы осуществить восстание в Петрограде с временной передачей всей полноты власти ВРК; провести Съезд Советов и объявить «законной» постоянную власть в лице ВЦИК и СНК; закрепить результаты восстания и Съезда интенсивным формированием правоохранительных и иных структур, где ВРК был определен как исполнительный орган СНК. Среди прочих подразделений ВРК включал в себя Военно-следственную комиссию, Комиссию по борьбе с контрреволюцией, Чрезвычайную комиссию по охране Петрограда, в функции которых, собственно, и входила оперативно-следственная деятельность по борьбе с бандитизмом. Расследованные

¹ Голиков Д.Л. Тайные операции ВЧК. М.: Щит и меч, 2008. С. 82; ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 227. Л. 5.

дела должны были передаваться в судебный орган (военно-революционный трибунал, созданный решением СНК 22 ноября 1917г.), где и выносился приговор.

Такая стратегия власти является основной для рассматриваемого в настоящей работе исторического периода развития Советского государства, что свидетельствует об основательности принимаемых советской властью решений даже в условиях необыкновенно сильного общественно-политического напряжения в стране. Помимо указанных органов, для реализации мер государственного принуждения ВРК привлекал подразделения (отряды) Красной гвардии, имевшей успешный опыт организации Октябрьского восстания большевиков. Позже, в декабре 1917 г., был принят Устав Красной гвардии, в котором к главным задачам этой структуры относились «борьба с контрреволюцией, спекуляцией, мародерством, погромами, грабежами, пьянством»¹. В дальнейшем ВЧК также будет привлекать для борьбы с бандитизмом военные отряды, но уже не Красной гвардии, а Красной армии.

Однако ВРК функционировал недолго, поскольку, как отмечается в литературе, он довольно быстро стал обрастать различными структурами, в том числе силовыми, которые во многом дублировали друг друга, что резко снижало эффективность ВРК. Согласно постановлению ВЦИК от 17 ноября 1917 г. борьба с контрреволюцией передавалась от ВРК отделу по борьбе с контрреволюцией при ВЦИК, при этом следственной комиссии ВРК предписывалось передать все дела военно-революционному трибуналу при Петросовете. В начале декабря 1917 г. ВРК самоликвидировался ввиду завершения своей миссии. Это решение было принято также исходя и из политических соображений. В частности, большевик М.И. Лацис писал о том, что «засевшие» в ВРК эсеры не дают возможности более решительно вести борьбу с контрреволюцией, выставляя на передний план общечеловеческую гуманность, свободу слова и печати для контрреволюционеров. Это несколько расходилось с позицией ВРК, который, в частности, в воззвании к населению объявлял, что «при первой же попытке вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли». Лица, участвовавшие в вооруженных нападениях даже с неполитическими (т. е. с общеуголовными)

¹ Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л., 1965. С. 212–213.

целями, объявлялись «врагами народа». Не менее суровые меры предусматривались в ряде актов Московского ВРК, где, в частности, «предписывалось расстреливать на месте за ограбление лавок и магазинов»¹.

Дело, как видно, было не в «гуманности» эсеров, а, скорее, в желании большевиков монополюно управлять особой силовой структурой, которую можно было использовать при любых возможных коллизиях политической борьбы. Объясняя необходимость создания чрезвычайного органа, В.И. Ленин отмечал, что враги трудового народа не останутся «ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу... не может быть другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов»². С учетом этих обстоятельств большевиками и было принято решение создать новый, особый правоохранительно-репрессивный орган – Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК).

Первый состав ВЧК был утвержден СНК 7 декабря 1917 г. В дальнейшем он менялся, но борьба с бандитизмом, преимущественно политическим, была одним из приоритетных направлений в деятельности чекистов. По своему статусу ВЧК могла осуществлять только действия по предотвращению и пресечению преступных деяний, а также при необходимости вести предварительное следствие (решением СНК от 31 января 1918 г. это полномочие было отменено), после чего материалы должны были передаваться в следственные комиссии при революционных трибуналах с последующим вынесением судебного решения.

До начала 1918 г., как свидетельствуют исторические документы, ВЧК, несмотря на общие грозные заявления о «решительности» в деле наведения порядка, с процессуальной точки зрения пыталась выработать довольно цивилизованные правила своей деятельности, что отражалось в целом относительно нежесткую репрессивную политику Советского государства того времени. Об этом свидетельствует, в частности, мнение меньшевика Д.Ю. Далина, который в 1922 г., будучи в эмиграции, писал: «...советский строй существовал, но без террора, гражданская война дала толчок для его развития... Большевики не сразу вступили на путь террора, полгода продолжала выходить оппозиционная печать, не только социалистическая, но и откровенно буржуазная. Первый

¹ Портнов В.П. Указ. соч. С. 28.

² Ленин В.И. Соч. Т. XXVII. С. 139–140.

случай смертной казни имел место только в мае 1918 года. На собраниях выступали все, кто хотел, почти не рискуя попасть в ЧК»¹.

В этом же контексте следует отметить проект инструкции ВЧК о производстве обысков и арестов, где, в частности, указывалось следующее: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача, пользуясь этим злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость – пятно, которое ложится на эту власть... Инструкция для производящих обыск и дознание: 1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность. 2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое вежливое, никакие нравоучения и окрики недопустимы. 3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда. 4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы. Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из Комиссии и высылке из Москвы»².

По своему содержанию этот акт и сегодня вполне соответствует достижениям цивилизации в уголовно-процессуальной сфере, связанной с ограничением прав участников уголовного дела. Однако, во-первых, это только проект, так и не ставший действующим правовым актом, и, во-вторых, в реальных условиях в России он, конечно же, не выполнялся. Следует отметить, что такой подход наблюдался в деятельности и других правоохранительных органов. Так, 31 января 1918 г. НКЮ опубликовал обращение ко всем Советам в телеграмме следующего содержания: «Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной Следственной комиссией, состав которой должен

¹ Далин Д.Ю. После войн и революций. Берлин: Грани, 1922. С. 18.

² Проект Инструкции ВЧК о производстве обысков и арестов (не ранее марта 1918 г.) // Исторический архив. 1958. № 1. С. 5–6.

публиковаться. Целью ее должно явиться только предание суду революционного трибунала... Пусть возмездие будет быстро и решительно, но пусть оно исходит от революционного суда; пусть никто не посмеет сказать, что на территории Советской республики нет социалистической справедливости. Революция сурова к своим активным врагам и великодушна к поверженным и побежденным»¹.

Решающим же фактором в части расширения (сужения) полномочий ВЧК было военно-политическое положение в стране. Так, в начале 1918 г. ввиду наступления Германской армии правоохранные ресурсы, задействованные в борьбе с бандитизмом на внутреннем фронте, заметно ослабли, причем настолько, что власть вынуждена была выступить с известным воззванием-призывом «Социалистическое отечество в опасности!». В частности, СНК предписывает, что «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления!». Именно в связи с этим пунктом левые эсеры пытались приостановить введение в действие данного акта, но безуспешно. Тем самым в России была де-факто восстановлена смертная казнь, которую большевики явно поспешили отменить 28 октября 1917 г. решением Второго съезда Советов². И хотя в декрете СНК не указывается ВЧК как исполнитель данного правового акта, это считалось само собой разумеющимся, поскольку именно ВЧК к тому времени уже был «карающим мечом» революции.

Развитие событий в то время определило фактическое повышение статуса ВЧК как охранительно-репрессивного органа № 1. При этом речь идет об увеличении полномочий ВЧК не только «вглубь», но и «вширь». Благодаря тому, что эффективность действий ВЧК в Петрограде в начале 1918 г. произвела впечатление на властный корпус Советского государства, ВЧК получила весомый карт-бланш в своей деятельности. 22 марта 1918 г. уже сама ВЧК издает постановление, согласно которому всем Советам как звеньям советской власти на нижнем уровне предписывалось немедленно организовать чрезвычайные комиссии. Здесь же указывалось, что «чрезвычайные комиссии борются с контрреволюцией и спекуляцией, злоупотреблениями по должности и посредством печати... Отныне право производства всех арестов, обысков, реквизиций, конфискации и проч., связанных с

¹ Известия. 1918. 31 янв.

² Декрет об отмене смертной казни: принят II Всероссийским Съездом Советов 28 окт. 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 4.

поименованными преступлениями, принадлежит исключительно этим чрезвычайным комиссиям как в г. Москве, так и на местах»¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сугубо отраслевой, функциональный орган, каким являлась ВЧК, отдает распоряжение Советам как органам советской власти общей компетенции по такому фундаментальному вопросу, как формирование новых структур (чрезвычайных комиссий). А это требовало решения как кадрового, так и финансового вопроса, являвшегося прерогативой вышестоящих органов власти общей компетенции. Это распоряжение, однако, принимается к исполнению, что свидетельствовало о том, что ВЧК к тому времени уже представляла собой признанный госаппаратом орган власти, имевший действительно чрезвычайный характер. Более того, данное решение был уполномочен принять только высший орган власти на тот момент (ВЦИК).

В этом же ряду находятся и официальное делегирование ВЧК иных полномочий, и поглощение функций других органов. Так, в феврале 1918 г. функции комиссии по борьбе с погромами вместе с сотрудниками комиссии были переданы ВЧК. Однако если в начале 1918 г. расширение полномочий ВЧК объяснялось необходимостью усиления борьбы с уголовным бандитизмом, то с сентября 1918 г. – политическим бандитизмом, что нашло отражение в постановлении о красном терроре от 5 сентября 1918 г., а также в ряде других документов. В частности, на это серьезным образом повлияло убийство революционера Володарского в июне 1918 г.; убийство председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого в августе 1918 г., который стал жертвой как уголовного, так и политического бандитизма; покушение в том же месяце на самого В.И. Ленина; взрыв на железнодорожном вокзале в Воронеже, в результате чего погибли до двухсот человек, и другие подобные преступления бандитско-террористического характера.

28 октября 1918 г. с учетом сложившейся обстановки ВЦИК утвердил положение о ВЧК и местных ЧК, написанное Ф.Э. Дзержинским по поручению ЦК РКП (б), где, в частности, указывалось следующее: «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности является центральным органом, объединяющим деятельность местных чрезвычайных комиссий и планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на

¹ О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией: постановление ВЧК от 22 марта 1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. 22 марта.

всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики... Всероссийская чрезвычайная комиссия является органом Совета Народных Комиссаров и работает в тесном контакте с Народными комиссариатами внутренних дел и юстиции... Члены Всероссийской чрезвычайной комиссии назначаются Совнаркомом... Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии входит в коллегию Народного комиссариата внутренних дел... Комиссариат внутренних дел и Комиссариат юстиции делегируют своих представителей во Всероссийскую чрезвычайную комиссию... Всероссийская чрезвычайная комиссия и все местные чрезвычайные комиссии имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов... Всеми делами по непосредственной борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности ведают на местах организованные местными Советами или их исполкомами на одинаковых правах с остальными своими отделами местные чрезвычайные комиссии... Члены местных чрезвычайных комиссий назначаются и отзываются местными исполкомами... Председатели местных чрезвычайных комиссий избираются местными исполкомами и утверждаются Всероссийской чрезвычайной комиссией... Высшие органы чрезвычайных комиссий имеют право посылать в низшие органы своих представителей с решающим голосом... Постановления местных чрезвычайных комиссий могут быть приостановлены и отменены чрезвычайной комиссией высшей инстанции»¹. В отличие от предшествующего акта, определявшего деятельность ЧК на местах и принятого в июне 1918 г. на конференции «чрезвычайка»², на этот раз вообще отсутствуют нормы о контроле за деятельностью ЧК. Вместе с тем больше полномочий предоставлено местным Советам в части учреждения ЧК и организации их деятельности.

В дальнейшем, однако, огромные полномочия ВЧК стали вызывать озабоченность у ряда советских руководителей, и наметилась тенденция ограничения этих полномочий. Так, указанная тенденция нашла отражение в новом положении о деятельности ВЧК, принятом ВЦИК 17 февраля 1919 г., в котором полномочия ВЧК были уменьшены в части вынесения приговоров: таковые должны были выносить революционные трибуналы. Это и предписывалось еще в первые месяцы советской власти, но позже, как уже было отмечено, это право

¹ Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях: утверждено постановлением Президиума ВЦИК от 28 окт. 1918 г. // В.И. Ленин и ВЧК: сб. док. М.: Политиздат, 1975. С. 51–52.

² ВЧК-ГПУ / сост. О.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 26–31.

перешло к ВЧК. И вот теперь вновь перешло к ревтрибуналам. Кроме того, ревтрибуналы получали право проверять законность арестов, производимых чекистами¹. В начале 1922 г. чрезвычайные комиссии были ликвидированы (декрет ВЦИК от 8 февраля 1922 г.) с передачей соответствующих функций народному комиссариату внутренних дел, в структуре которого было создано ГПУ, которое в своей деятельности получило не меньше полномочий в борьбе с бандитизмом, чем ВЧК (когда это касалось политического бандитизма). Что касается уголовного бандитизма, ведущая роль в борьбе с ним перешла к иным структурам НКВД.

После Октябрьской революции 1917 г. перед советской властью встал вопрос об органах правосудия, которые должны были рассматривать уголовные дела в соответствии с общепринятой процедурой (обвинение, защита, суд). В этом контексте следует указать на принятие 22 ноября 1917 г. Декрета о суде № 1, который был утвержден СНК. Здесь особый интерес представляет норма о специальном суде, предназначенном для борьбы с наиболее опасными для республики преступниками, в первую очередь для рассмотрения дел о контрреволюционных преступлениях и бандитизме. Так, в п. 8 закона указывалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские Революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».

Законодатель указывал, что в своей деятельности новые суды должны руководствоваться декретами Советского государства и «революционным правосознанием», которое явилось характерной особенностью в деятельности трибуналов, позволявшей восполнять правовые пробелы советского судопроизводства в начальный период функционирования Советского государства при вынесении судебных решений. При этом если в общих судах предусматривались (во всяком случае, нормативно-теоретически) прямые выборы судей населением, то судей ревтрибуналов должны были утверждать Советы соответствующих уровней. Учитывая, что Советы в абсолютном большинстве состояли из сторонников большевиков, удавалось обеспечивать «классовый»

¹ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.) / под ред. Н. Полякова. М., 1958. С. 251–257.

признак среди судей революционных трибуналов. В частности, в конце 1917 г. ревтрибуналы состояли из «членов РСДРП (б) – 45 человек (90%); беспартийных – 5 человек (10%); рабочих – 21 человек (42%); служащих – 29 человек (56%)»¹. В ревтрибуналы, в отличие от общих судов, не дозволялось также принимать бывших при царе и Временном правительстве мировых судей.

Такой подход позволял большевикам обеспечивать необходимую репрессивную политику в сфере борьбы с бандитизмом, т. е. в целом правовые основы ВЧК и революционных трибуналов, если использовать современную терминологию, были гармонизированы. Вместе с тем по отдельным вопросам имелись определенные трения. Так, рассматриваемый закон (Декрет о суде № 1) предписывал создание следственных комиссий, которые, как и судьи ревтрибуналов, формировались Советами. Между тем, как уже отмечалось, ВЧК стремилась самостоятельно вести следствие, поскольку в действиях чекистов было немало противозаконного. Этот тренд нашел продолжение в новом законе (24 апреля 1919 г.) о революционных трибуналах, где, в частности, указывалось: «Революционные трибуналы учреждаются со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета советской власти. В соответствии с этим трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право в определении меры репрессии. Оспаривания подсудности по делам, принятым в Революционном трибунале, не допускаются»².

Столь широкие чрезвычайные полномочия ревтрибуналам были приданы спустя некоторое время после предоставления более широких полномочий ВЧК. До этого акта расширенные полномочия ВЧК некоторым образом противоречили процессуальным нормам, на основании которых действовали революционные трибуналы. И вот теперь практически одной фразой советский законодатель, можно сказать, синхронизировал деятельность ЧК и революционных трибуналов. С этой точки зрения вполне имелись основания называть революционные трибуналы «чрезвычайными». «Различие, если использовать современную терминологию, заключалось в том, что если ЧК были чрезвычайными

¹ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. М., 1994. С. 29.

² О революционных трибуналах: декрет ВЦИК от 12 апр. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 13.

оперативными и дознавательными органами, то революционные трибуналы – чрезвычайными судебными органами. И те, и другие имели главной задачей борьбу с контрреволюцией, но иными методами»¹.

Между тем советский законодатель продолжал вновь и вновь уточнять правовой статус революционных трибуналов. Следующие изменения были связаны с активизацией военных действий на фронтах Гражданской войны. Тогда принятым 27 ноября 1919 г. законом учреждаются специальные военные трибуналы для рассмотрения дел, где обвиняемыми были военнослужащие Красной армии и военнопленные, совершившие преступления в районе боевых действий². Затем новым законом от 18 марта 1920 г. создаются революционные военные железнодорожные трибуналы, что со всей очевидностью объяснялось важностью данного вида транспорта для решения вопросов военного характера, и в определенной степени это было оправданно, учитывая нередкие бандитские нападения как на военные эшелоны, так и на пассажирские поезда. Тогда же издается Положение о революционных трибуналах в новой редакции³, где сделана попытка обеспечить «единство в применении мер чрезвычайной репрессии»⁴. В данном акте воспроизводились и обобщались, а также отчасти обновлялись предшествовавшие нормы, в частности, достаточно много внимания уделялось вопросам предварительного следствия, организации обвинения и защиты. Здесь уже меньше революционной патетики, это серьезный документ для практического пользования. При этом чрезвычайность этого вида суда сохранялась. Так, защитник мог быть допущен к участию в деле только по усмотрению трибунала, следствие на местах возлагалось на чрезвычайные комиссии. Предусматривалось также создание Верховного революционного трибунала, который избирался Президиумом ВЦИК в составе председателя и двух членов и принимал к производству дела по определению Президиума ВЦИК, СНК и Председателя ВЧК⁵.

¹ Максимов П.В. Эволюция революционных трибуналов Советского государства и борьба с политическим бандитизмом (1917–1922 гг.) // Современная научная мысль. 2016. № 3. С. 199.

² О революционных военных трибуналах: декрет ВЦИК от 20 нояб. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 58.

³ О революционных военных железнодорожных трибуналах: декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 21.

⁴ Максимов П.В. Указ. соч. С. 200.

⁵ Там же.

В рассматриваемый период в части регулирования статуса революционных трибуналов был принят еще один правовой акт, заслуживающий внимания. Речь идет о законе от 23 июня 1921 г.¹, в соответствии с которым была изменена система видов революционных трибуналов, в частности, были созданы губернские революционные трибуналы и Верховный трибунал, где должны были рассматриваться заявления сторон в случае несогласия с решением трибунала первой инстанции. Одновременно закон допускал возможность образования специализированных трибуналов (военных, железнодорожных, водных) в качестве временной меры. В таком виде ревтрибуналы просуществовали до принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г., где процесс судопроизводства получил свое развитие с учетом уже завершившейся Гражданской войны, в которой Красная армия одерживала очевидную победу.

Материалы следственных и судебных дел свидетельствуют о том, что в большинстве случаев следственные комиссии и революционные трибуналы довольно основательно подходили к выполнению своих функций при рассмотрении уголовных дел о бандитизме. Так, в августе – сентябре 1921 г. Новониколаевским губернским объединенным революционным трибуналом было рассмотрено дело по обвинению банды В.М. Макарова, орудовавшей в Барабинском уезде, которая терроризировала местное население. После того как бандитами было совершено убийство народного судьи, за дело взялась сначала Новониколаевская губернская ЧК, а затем следственная комиссия и, наконец, трибунал. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что к тому времени (1921 г.) РКП (б) уже была не простой общественно-политической организацией, а монополюс властной партией, без решения высших органов которой (съезд, ЦК, Политбюро) в России не происходило ни одного относительно значимого события (соответственно, в губерниях, городах, уездах). В.И. Шишкин, подробно исследовавший дело банды Макарова, отмечает, что Губревтрибунал получил директиву от Сиббюро ЦК РКП (б) вынести главарю банды высшую меру наказания, а другим членам банды, в зависимости от их вины, – иные меры как репрессивного, так и воспитательного характера. Выездные заседания революционного трибунала проходили в течение шести дней в г. Барабинске, причем это был открытый процесс. Трибунал счел обвинения доказанными, и Макаров, а также еще трое его сообщников были приговорены

¹ Об объединении всех революционных трибуналов: декрет ВЦИК от 23 июня 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 5.

к расстрелу, двое подсудимых за укрывательство убийц были приговорены к пяти годам принудительных работ, а одному причастному к делам банды был объявлен выговор¹.

В целом, конечно, революционные трибуналы строили свою деятельность исходя прежде всего из классовых интересов и указаний партийно-властной вертикали и вместе с ЧК выполняли общую задачу по борьбе с «врагами трудового народа». Так, известный советский деятель, автор первой судебной реформы, создатель советской юстиции Н.В. Крыленко указывал: «ВЧК и суд – одно и то же, по своему существу, и задачи одни, но в определенной обстановке и условиях времени нужно выдвинуть одно, а в другой обстановке и условиях времени – другое. Отсюда и противопоставлять их нельзя, наоборот, скорее, нужно провести знак равенства»². Он же прямо утверждал: «Для нас нет никакой принципиальной разницы между судом и расправой. Либеральная болтовня, либеральная глупость – говорить, что расправа – это одно, а суд – это другое. Ничего подобного. Суд есть та же расправа, а расправа есть тот же суд»³. Тем не менее большевики стремились соблюдать форму цивилизованного судопроизводства, что свидетельствовало об их желании сохранять лицо хоть и жесткой, но справедливой государственной власти. И в определенной степени им это удалось, когда в результате судебной реформы в 1922 г. революционные трибуналы как общий судебный институт были упразднены и заменены судами общей юрисдикции и специализированными трибуналами.

¹ Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск: Наука, 1992. С. 54–58; Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 593. Л. 87; Партийный архив Новосибирской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 166. Л. 55–57.

² Цит. по: Брюханов И.В. Деятельность революционных трибуналов в Иркутске // Сибирский юридический вестник. 2006. № 3. С. 13.

³ Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. М., 1923. С. 15.

Заключение

В первые послереволюционные годы борьба с бандитизмом в Советском государстве основывалась на его политической оценке. При этом попытки советского законодателя использовать опыт Российской империи в части уголовно-правового регулирования ответственности за групповые преступления, совершаемые шайкой, оказались безрезультатными, поскольку шайка не вписывалась в специфические условия российской действительности. Новое социально-опасное явление, принявшее широкие, всероссийские масштабы и выразившееся в насильственных нападениях, совершаемых устойчивыми вооруженными преступными группами как против власти, так и против граждан и их собственности, было обозначено советской властью термином «бандитизм», соответственно, «шайки» были трансформированы в «банды».

В таком понимании бандитизм представлял собой уникальное явление в уголовно-правовой истории России, что обуславливалось, в частности, такими факторами, как наличие в стране огромного количества вооруженных людей в связи с участием России в мировой войне; крайне напряженные отношения между ведущими политическими силами России, потенциально способными управлять Российским государством, равно как и между различными классами; присущий российскому обществу радикализм в решении социальных проблем.

В политико-правовых актах советской власти первых лет бандитизм отграничивался от иных преступных действий, которые позже будут входить в его состав, что можно объяснить чрезвычайно напряженной военно-политической и социально-экономической обстановкой стране, в которой советская власть стремилась использовать жесткое наказание за бандитизм в своих целях. По этой же причине признаки бандитизма регулировались в сравнительно небольшом объеме и во многом повторяли аналогичные уголовно-правовые нормы в законодательстве Российской империи.

В сфере борьбы с бандитизмом в первые годы после Октябрьской революции советская власть использовала как чрезвычайные, так и регулярные охранительно-репрессивные органы. Непосредственную деятельность по противодействию бандформированиям осуществляли чрезвычайные комиссии (ЧК) во главе с ВЧК, революционные трибуналы, а также народная милиция (прежде всего в лице уголовного розыска); войсковые подразделения Красной армии; военно-революцион-

ные комитеты местных исполкомов (на пограничных территориях); лагеря принудительных работ и другие места лишения свободы. При этом основная нагрузка возлагалась на чрезвычайные комиссии и ревтрибуналы. Другие органы и структуры участвовали в борьбе с бандитизмом в меньшей степени, преимущественно в качестве усиления при проведении специальных операций по пресечению деятельности определенных бандформирований, розыску отдельных бандитов, их конвоированию и т. д. Когда речь шла об уголовном бандитизме, чаще всего задействовались структуры уголовного розыска (народная милиция), а при подавлении преступных групп, относящихся к политическому бандитизму, – армейские подразделения.

В борьбе с бандитизмом участвовали также органы власти общей (универсальной) компетенции как в центре, так и на местах: ВЦИК, СНК, СТО, губернские и местные исполкомы Советов, территориальные революционные комитеты. Однако их деятельность носила в основном координирующий и вспомогательный характер. Особняком в данном контексте стоял Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет), который играл активную роль в поддержании правопорядка и борьбе с преступностью, в том числе с бандитизмом, на территории Петрограда в период до создания общегосударственных правоохранительных органов советской власти (до декабря 1917 г.).

Литература

1. Воззвание ВЦИК к казакам, железнодорожным и почтово-телеграфным служащим с призывом переходить на сторону Советской власти от 1 нояб. 1917 г. // Известия. 1917. 3 нояб.

2. О революционных военных железнодорожных трибуналах: декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 21.

3. О революционных военных трибуналах: декрет ВЦИК от 20 нояб. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 58.

4. Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию от 13 мая 1918 г. // Известия. 1918. 14 мая.

5. Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении: декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301.

6. Декрет о суде: принят постановлением СНК от 22 нояб. 1917 г. // Правда. 1917. 23 нояб.

7. Декрет об отмене смертной казни: принят II Всероссийским Съездом Советов 28 окт. 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 4.

8. Социалистическое отечество в опасности!: декрет СНК от 21 февр. 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 492–494.

9. О суде: декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

10. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР»): закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

11. Из протокола СНК № 21 о создании ВЧК от 7 дек. 1917 г. // Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921: сб. док. / ред. кол.: Г.А. Белов и др. М.: Госполитиздат, 1958. С. 78–89.

12. Обращение СНК к населению о положении на продовольственном фронте и борьбе с контрреволюцией от 30 мая 1918 г. // Известия. 1918.

13. Обращение ЦК РКП (б) к коммунистам – работникам всех чрезвычайных комиссий с оценкой деятельности Всероссийской и местных чрезвычайных комиссий от 8 февр. 1919 г. // Известия. 1919. 8 февр.

14. Основное положение ВЦИК о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.

15. О Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией // Правда. 1918. 27 февр.

16. Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях: утверждено постановлением Президиума ВЦИК от 28 окт. 1918 г. // В.И. Ленин и ВЧК: сб. док. М.: Политиздат, 1975. С. 51–52.

17. Положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии: утверждено ВЦИК от 28 окт. 1918 г. // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

18. Постановление Второго Всероссийского съезда Советов о борьбе с контрреволюционными выступлениями от 26 окт. 1917 г. // Солдатская правда. 1917. 26 окт.

19. Постановление ВЦИК о праве вынесения приговоров Всероссийской чрезвычайной комиссией и революционными трибуналами по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности от 17 февр. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

20. Постановление ВЦИК об упразднении уездных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности от 20 нояб. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 1. Ст. 14.

21. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

22. О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: постановление ВЦИК от 17 февр. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 130.

23. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

24. О создании местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией: постановление ВЧК от 22 марта 1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. 22 марта.

25. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 янв. 1997 г. № 1 // Российская юстиция. 1997. № 5.

26. Постановление Президиума ВЦИК по докладу Комиссии по борьбе с бандитизмом от 21 марта 1921 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1989. Т. 13. С. 178–179.

27. О красном терроре: постановление СНК от 5 сент. 1918 г. // Известия. 1918. 10 сент.

28. Постановление СНК о мерах по борьбе с бандитизмом от 19 февр. 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 11. Ст. 71.

29. Постановление Совета обороны о порядке ареста Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности сотрудников советских учреждений и предприятий от 11 дек. 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 94. Ст. 941.

30. О мерах борьбы с бандитизмом и об управлении войсками внутренней службы на Украине: постановление СТО от 6 дек. 1920 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1986. Т. 12. С. 261–262.

31. Постановление СТО о мерах по ликвидации вооруженных банд и восстановлении железнодорожного движения в районе Бузани от 29 янв. 1921 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1986. Т. 12. С. 39–370.

32. Всем губернским, уездным, волостным совдепам. Всем, всем: предписание Президиума ВЦИК в связи с тезисами В.И. Ленина об очередных задачах Советской власти от 4 мая 1918 г. // Известия. 1918. 10 мая.

33. Резолюция ВЦИК по докладу Всероссийской чрезвычайной комиссии о борьбе с бандитизмом, действовавшим под флагом анархизма от 18 апр. 1918 г. // Известия. 1918. 19 апр.

34. Уголовное уложение: утверждено императором от 22 марта 1903 г. // ПСЗ. Собр. третье. № 22704.

35. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17 апр. 2017 г.). Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2017).

36. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: утверждено императором 15 авг. 1845 г. // ПСЗ. Собр. второе. № 19283.

37. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3.

38. Брюханов И.В. Деятельность революционных трибуналов в Иркутске // Сибирский юридический вестник. 2006. № 3. С. 13–20.

39. В.И. Ленин и ВЧК: сб. док. М.: Политиздат, 1975.

40. ВЧК-ГПУ / сост. О.Г. Фельштинский. М., 1995.

41. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР в 1917–1925 гг. М., 1986. Т. 1.

42. Голинков Д.Л. Тайные операции ВЧК. М.: Щит и меч, 2008.

43. Грошев А.В., Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть: краткий учебный курс. Ростов н/Д, 2006.

44. Далин Д.Ю. После войн и революций. Берлин: Грани, 1922.

45. Декреты советской власти. М., 1958. Т. 3.

46. Документы Великой пролетарской революции. М.: ОГИЗ, 1938. Т. I.

47. Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.

48. Заметки В.И. Ленина на заседании комиссии Совета Рабоче-крестьянской обороны о работе ВЧК от 3 дек. 1918 г. // Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: сб. док. / ред. кол.: Г.А. Белов и др. М.: Госполитиздат, 1958. С. 232–233.

49. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): сб. док. / ред. кол.: Г.А. Белов и др. М.: Госполитиздат, 1958.

50. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.) / под ред. Н. Полякова. М., 1958.

51. Карр Э. История советской России. М., 1990. Кн. 1.

52. Конспект по уголовному праву и процессу, составленный по лекциям профессоров Фойницкого, Случевского, Сергеевского и др. Одесса, 1898.

53. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. М., 1994.

54. Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Терра, 2004.

55. Крыленко Н.В. Судоустройство РСФСР. М., 1923.

56. Кутузов В.А. и др. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987.

57. Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте: популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. М., 1920.

58. Лацис М.Я. Организационный отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. Первая организационная часть. М., 1922.

59. Лацис М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 83–90.

60. Ленин В.И. ПСС. Т. 35.

61. Леонов С.В. Государственная безопасность Советской республики в пору Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1922) // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 358–369.

62. Локкарт Р.Г.Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

63. Ломов В.С. Военно-следственная комиссия Петроградского ВРК // Правоведение. 1978. № 6. С. 108–111.

64. Лурье М. Разгром Юденича // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 81–90.

65. Максимов П.В. Эволюция революционных трибуналов Советского государства и борьба с политическим бандитизмом (1917–1922 гг.) // Современная научная мысль. 2016. № 3.
66. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923 гг. М., 1990.
67. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с нею. СПб., 2001.
68. Никулин В.В. Потребность в безопасности. Правовой статус ВЧК–ГПУ–ОГПУ в структуре советского государства // ИВ: Исторические исследования. 2013. № 6. С. 25–84.
69. Политические деятели России. 1917: биографический словарь / отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1993.
70. Портнов В.П. ВЧК (1917–1922 гг.). М.: Юрид. лит., 1987.
71. ПРАВКА проекта Постановления СНК о разграничении функций между народным комиссариатом юстиции и ВЧК от 21 дек. 1917 г. // В.И. Ленин и ВЧК: сб. док. М.: Политиздат, 1975.
72. Проект Инструкции ВЧК о производстве обысков и арестов (не ранее марта 1918 г.) // Исторический архив. 1958. № 1. С. 5–6.
73. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.
74. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941). Уфа, 1994.
75. Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб.: СПбГУ, 2006.
76. Ратьковский И.С. Эволюция государственных представлений большевиков в послеоктябрьский период на примере ВСК // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 15. С. 177–181.
77. Сальников А.В. Исторический генезис понятий «шайка» и «банда» как разновидностей соучастия особого рода в отечественном законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 99–103.
78. Север А. Анतिकоррупционный комитет Сталина. М.: Эксмо, 2008.
79. Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив Русской революции. М., 1992. С. 38–48. Т. XIII.
80. Софинов П. Карающая рука советского народа. К 25-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1917–1942. М.: Государственное издательство политической литературы, 1942.

81. Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.-Л., 1965. С. 212–218.
82. Стучка П.И. Революционная роль советского права. М.: Советское законодательство, 1931.
83. Титов Ю.П. Структура, компетенция и деятельность Петроградского ВРК. М., 1978.
84. Титов Ю.П. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. М., 1981.
85. Турицын И.В., Упоров И.В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21–28.
86. Упоров И.В. Институт уголовного наказания в советском государстве начального периода // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 169–172.
87. Упоров И.В. Историко-ментальные причины правового нигилизма в России и условия его трансформации в правовой позитивизм // Право и практика. 2013. № 4. С. 4–9.
88. Хилюта В.В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность. 2012. № 3. С. 42–43.
89. Шишкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск: Наука, 1992.
90. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890.

Оглавление

Введение.....	3
1. Понятие бандитизма как общественно опасного деяния в правовой ретроспективе Российского государства.....	4
2. Политизация бандитизма в советском обществе в контексте Октябрьской революции 1917 г.	11
3. Закрепление признаков бандитизма в законодательстве Советского государства.....	20
4. Формирование правоохранительной системы охранительно-репрессивной направленности для борьбы с бандитизмом.....	27
Заключение.....	43
Литература.....	45

Учебное издание

Максимов Павел Викторович

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
БОРЬБЫ С БАНДИТИЗМОМ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Учебное пособие

Редактор *М. В. Краснобаева*
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1412-8

Подписано в печать 02.10.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 3,0. Тираж 110 экз. Заказ 717.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.